

Оригинальная статья
УДК 167.7; 323.28; 323.173
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-5-31-42>

Миросистемные предпосылки террористических угроз: к вопросу о методологии исследования вооруженных конфликтов на постсоветском пространстве

Николай Евгеньевич Лукьянов¹, Анна Анатольевна Изгарская²✉

^{1,2}Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия

¹nikolaylukyanov70@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4068-8340>

²✉ aizgarskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9313-0805>

Введение. Цель статьи – систематизация миросистемных предпосылок террористических угроз, уточнение места терроризма внутри теоретических конструкций движения капитала в миросистеме и вызревания противоречий в цикле ее функционирования.

Методология и источники. Используя предложенный Т. К. Хопкинсом метод «движение фигура-фон», авторы рассматривают миросистему в качестве фона для исследования терроризма. Переключение фокуса восприятия позволяет отчетливо видеть связи терроризма с миросистемой. Помимо миросистемного подхода в качестве теоретических оснований использована геополитическая концепция Р. Коллинза и концепция развития террористических организаций М. Креншоу.

Результаты и обсуждения. Для выявления связей терроризма с противоречиями миросистемы выполнен ряд перефокусировок. В результате было показано, что гегемон и государства ядра добиваются успеха, поддерживая «цивилизованный» порядок в миросистеме, декларируя ценности центристского либерализма, но потребность в защите своих интересов часто вынуждает их использовать менее дорогое и эффективное, но нелегитимное средство – террор. Просистемные элиты периферий могут использовать террор в борьбе за власть с целью последующего подключения к сетям кумулятивных векторов ядра. Ряд предпосылок обнаружен при смещении фокуса с терроризма на движение капитала в миросистемном цикле. Движение капитала из ядра на периферию сопровождается увеличением социального неравенства и ростом национальных и этнических различий, способных питать сепаратистские идеологии терроризма. Отток капитала из экономик неядерных областей повышает возможности политической силы, бросившей гегемону и государствам ядра вызов, мобилизуя население под антисистемными лозунгами, способными питать международный терроризм. Полученные теоретические конструкции позволили кратко описать предпосылки террористической активности на территории СССР и постсоветском пространстве.

Заключение. Авторы подчеркивают, что полученные теоретические выводы нуждаются в дополнительной верификации. Следующим шагом в исследовании причин терроризма должен стать анализ механизмов формирования террористических организаций на основе конкретных случаев.

Ключевые слова: миросистема, терроризм, метод «движение фигура-фон», геополитическая теория, идеологические сети, кумулятивный вектор

Для цитирования: Лукьянов Н. Е., Изгарская А. А. Миросистемные предпосылки

© Лукьянов Н. Е., Изгарская А. А., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

террористических угроз: к вопросу о методологии исследования вооруженных конфликтов на постсоветском пространстве // ДИСКУРС. 2024. Т. 10, № 5. С. 31–42. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-5-31-42.

Original paper

World-Systems Ground of Terrorist Threats: on the Issue of Methodology for Studying Armed Conflicts in the Post-Soviet Space

Nikolai E. Lukyanov¹, Anna A. Izgarskaya²✉

^{1, 2}*Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk, Russia*

¹*nikolaylukyanov70@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4068-8340>*

²✉*aizgarskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9313-0805>*

Introduction. The purpose of the article is to systematize the world-system prerequisites for terrorist threats, to show the place of terrorism within the theoretical structures of the movement of capital in the world-system and the maturation of contradictions in the functioning of its cycle.

Methodology and sources. The authors use the “Figure-ground movement” method proposed by T. K. Hopkins and consider the world-system as a background for the study of terrorism. Refocusing perception makes it possible to more clearly see the connections between terrorism and the world-system. The geopolitical concept of R. Collins and M. Crenshaw’s concept of the development of terrorist organizations are used as theoretical foundations in addition to the world-system approach.

Results and discussion. A series of successive refocuses were carried out to identify the connections between terrorism and the contradictions of the capitalist world-system. As a result, it was shown that the hegemon and the core states achieve success by maintaining a «civilized» order in the world-system by declaring the values of centrist liberalism. However, it must be recognized that states often use less expensive than the introduction of regular troops, but illegitimate means of terror to protect their interests. Terror can be used in the struggle for power when core states include their economies in a network of cumulative vectors. A number of prerequisites were discovered after a refocus from terrorism to the movement of capital in the world-system cycle. The movement of capital from the core to the periphery increases social inequality and causes the growth of national and ethnic differences that can feed separatist ideologies of terrorism. The outflow of capital from the economies of non-core areas increases the ability of the political force that has challenged the hegemon and the core states to mobilize the population under anti-system slogans that can fuel international terrorism. Based on the obtained theoretical models, the prerequisites for terrorist activity on the territory of the USSR and in the post-Soviet space were briefly described.

Conclusion. The authors emphasize that the resulting theoretical models require additional verification. The next stage in the study of the causes of terrorism should be an analysis of the mechanisms of formation of terrorist organizations based on specific cases.

Keywords: world-system, terrorism, “figure-ground movement” method, geopolitical theory, ideological networks, cumulative vector

For citation: Lukyanov, N.E. and Izgarskaya, A.A. (2024), “World-Systems Ground of Terrorist Threats: on the Issue of Methodology for Studying Armed Conflicts in the Post-Soviet Space”, *DISCOURSE*, vol. 10, no. 5, pp. 31–42. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-5-31-42 (Russia).

Если мы будем рассматривать глобализацию и терроризм как феномены, ограниченные во времени и пространстве, мы можем прийти к выводам столь же эфемерным, как те, к которым приходят газеты. В общем и целом, нам не удастся понять значения этих явлений, истоков их происхождения, путей развития и, что самое главное, их места внутри более крупных конструкций.

И. Валлерстайн. «Миросистемный анализ: введение»

Введение. После распада СССР терроризм вошел в жизнь населения бывших советских республик во всем своем разнообразии. Он бросал вызов новым политическим элитам, будучи одетым то в партизанскую форму цвета хаки, то в черный хиджаб смертницы, то в пестрый наряд толпы, готовящей «коктейль Молотова» и управляемой кем-то с «темной стороны демократии» (М. Манн). Терроризм с успехом заменил ушедшую в небытие коммунистическую угрозу и после событий 11 сентября 2001 г. был назван главным источником международной опасности для демократического мира. Он озадачил политических аналитиков и профессиональных ученых множественностью проявлений и безрезультативностью усилий государств по умиротворению его кровавых бесчинств. При этом в политической риторике и научных статьях часто имплицитно присутствует мысль, что терроризм является чуждым, возникшим за пределами «цивилизованного общества», отголоском «примитивного», «варварского» мира. В данной работе мы исходим из противоположного тезиса. Обращаясь к теме терроризма на постсоветском пространстве с позиции взаимосвязей геополитики и миросистемного подхода, мы не претендуем на обобщение результатов исследований наших предшественников и не спешим с конкретными рекомендациями для политических элит. Главная задача этой работы находится в области методологии. Сместив фокус исследовательской оптики в область миросистемных противоречий, попытаемся поместить терроризм внутри «более крупных структур» [1, с. 44] и показать, что он является частью миросистемы, созданной ее «цивилизованным» ядром. С этих позиций кратко обозначим предпосылки террористических угроз на постсоветском пространстве.

Методология и источники. В основании современной капиталистической миросистемы находится система международного разделения труда, которая формирует и поддерживает взаимосвязи поляризованных структур, ядра, полупериферии и периферии, представляющих собой неравные социально-экологические ниши выживания включенных в них обществ. Миросистема должна выступать фоном для исследования терроризма. Сосредоточенность ученых на отдельных случаях проявления активности террористических организаций часто приводит к недооценке значения этого фона и исчезновению существенных связей изучаемого предмета с совокупностью процессов, обуславливающих его генезис. Миросистемный анализ позволяет осуществлять «перефокусировку», которую в качестве базового метода предложил использовать один из ведущих методологов миросистемного подхода Т. К. Хопкинс. Он описывал этот метод как «движение фигура-фон», при котором исследователь «перефокусируется, и то, что было фигурой, становится фоном, а когда он снова перефокусируется, бывшее фоном, становится фигурой» [2, р. 149]. В результате взаимообусловленность «фигуры» и «фона», связи явления и его предпосылок, становятся более отчетливыми.

В качестве инструмента анализа используем теорию геополитической динамики Р. Коллинза [3], которая дополняет экономоцентрированный арсенал методов миросистемной парадигмы [4]. Геополитическая теория в центр исследования ставит государство, его способность конкурировать за территорию и осуществлять над ней контроль. С этих позиций терроризм и партизанские войны Р. Коллинз рассматривает как «оружие слабых, когда повстанцы не могут победить в классических битвах против более крупных и хорошо вооруженных сил» [3, с. 18]. Помимо этого, на основе этой теории мы получаем возможность описать геополитические неудобства постсоветских государств как «буферных». Границы таких государств на большем протяжении блокированы границами держав, которые являются центрами мирового или регионального могущества, способными в процессе конкуренции создавать кумулятивное притяжение «буферных» пространств. Для постсоветских государств Россия является одним из таких центров. Р. Коллинз отмечал, что «буферные государства по-прежнему будут переживать внутренние раздоры вокруг слабых правительств, кроме тех случаев, когда авторитарные режимы станут сателлитами России как регионального гегемона» [3, с. 17]. Умиротворяющая функция гегемона зависит от его способности создавать мощные идеологические сети, которые им формируются на основе лидирующих экономических позиций в регионе и военно-политическом могуществе, достаточном для оказания покровительства элитам «буферных» государств. Идеологические сети снимают остроту этнических и национальных противоречий, которые питают соответствующие виды терроризма. Совокупность таких преимуществ и интеграционных процессов будем называть «кумулятивный вектор». Согласие общества с выбранным элитами кумулятивным вектором снижает вероятность внутреннего конфликта, в случае же слабой государственной власти и воздействия на страну нескольких векторов общество испытывает кризисные состояния, способствующие росту террористических угроз.

Онтологии миросистемного подхода и геополитической теории недостаточно для анализа терроризма. Миросистемный подход главным образом оперирует понятиями, описывающими явления глобального масштаба, а геополитическая теория работает на уровне государств и межгосударственных отношений. Анализ терроризма требует онтологии микроуровня, а именно онтологии групп и сетей¹. Будем использовать онтологию, представленную в концепции развития террористических организаций М. Креншоу (M. Crenshaw). Она понимает террористическую организацию как корпорацию, которая борется в условиях конкуренции и вооруженного противостояния за выживание. Преследуя интересы своих бенефициаров (членов группировки, лиц, предоставляющих финансирование, групп населения и др.), организация ставит цели и использует средства агрессии в зависимости от ситуации. Условия среды, которые в долгосрочной перспективе приводят к возникновению террористической активности (высокая степень социального неравенства, репрессии со стороны правительства, ущемление прав социальных групп и т. д.), М. Креншоу называет «предпосылками». События, дающие начало террористической деятельности, она называет «катализаторами» [5, р. 381]. Следует отметить, что в работах М. Креншоу отсутствует систематизация предпосылок. Основания для

¹ Выбор концепции, содержащей такую онтологию, требует сравнительного анализа и является отдельной задачей. Перспективным выглядит сравнение концепций организационной парадигмы [5–10] и инструменталистского подхода [11–13].

такой систематизации следует искать в содержании общих социальных теорий, в роли которых могут выступить миросистемный подход и геополитика.

Результат и обсуждение. Для выявления связей терроризма с противоречиями миросистемы выполним ряд последовательных перефокусировок. Во-первых, переместим фокус с широко транслируемой идеи «защиты цивилизованного общества от терроризма» на онтологию безопасности в капиталистической миросистеме. Капитализм – «социальная система, которая требует “политики безопасности” для “обеспечения соблюдения правил” перед лицом как социальной борьбы за преобразование параметров системы, так и перед лицом хронической “небезопасности”, которая является неизбежным результатом накопления капитала» [14, p. 21]. Капитализм объявляет войну терроризму, угрожающему ему как социальной, иерархически организованной системе, целью которой является производство и накопление капитала. Однако мир капитала сам способен прибегать к террору и выходящему за рамки международного права насилию (пыткам, похищениям людей) как к менее дорогим, эффективным, но нелегитимным средствам защиты и продвижения своих интересов². В процессе расширения миросистемы ее гегемон декларирует набор ценностей центристского либерализма [1, с. 148–174] и при поддержке просистемных государств устанавливает нормы международного права, которые сам вынужден нарушать. Например, в 1988 г. при активном содействии США в целях борьбы с советскими войсками, дислоцированными в Афганистане, была создана «Аль-Каида»³. Но после инициированных этой организацией взрывов американских посольств в Кении и Танзании (7 августа 1998 г.), после теракта 11 сентября 2001 г. она возглавила список врагов свободного мира. Война с терроризмом на территории Афганистана велась методами, которые, включая пытки в Гуантанамо, по своей жестокости им не уступали. К террору как средству защиты своих интересов способно прибегать не только государство-гегемон. Террор по отношению к своим политическим оппонентам используют в борьбе за власть просистемные элиты периферий в процессе их включения в кумулятивный вектор, инициированный ядром. Ярким примером здесь может быть массовый террор военной диктатуры А. Пиночета в Чили. Следует подчеркнуть, методы терроризма значительно дешевле и часто эффективнее использования регулярной армии или каких-либо правовых средств. Эти древнейшие средства борьбы за власть в современном мире объявлены нелегитимным, но входят в арсенал деятельности спецслужб многих современных государств.

Смещение фокуса с миросистемы на требование «защиты цивилизованных обществ от терроризма» позволяет сделать вывод, что под «цивилизованными» понимаются просистемные государства и подконтрольные им общества. При этом возникающие на этом фоне просистемные представления о терроризме отличаются не только убежденностью в том, что национальные и международные меры по антитеррору должны служить укреплению передовых основ господствующих социальных отношений, но и верой в необходимость совершенствования существующих институтов правопорядка, пенитенциарной системы, средств надзора, управления и контроля. В результате формируются эпистемологические рамки исследования терроризма как явления, чуждого либеральным демократиям.

² Использование сторонниками демократии средств террора в борьбе с инаковостью получило глубокое осмысление в работах М. Манна [15].

³ Организация «Аль-Каида» запрещена на территории Российской Федерации.

Б. Маккуэйд и С. Шредер называют такие рамки «ловушкой», которая «поглощает исследователей, сосредоточенных на реформировании институтов безопасности, оставляя нетронутыми другие практики управления и накопления капитала» [14, р. 19].

Ряд предпосылок обнаруживается при смещении фокуса с терроризма на этапы миросистемного цикла. Миросистемный цикл состоит из четырех этапов: послевоенного формирования благоприятного баланса сил для восхождения гегемонии; системной реорганизации (воссоздания международной системы разделения труда на новых началах); укрепления новых центров и конфигураций силы; предложения новых форм миропорядка противоборствующими с гегемоном центрами. Первые два этапа описывают расширение системы, третий и четвертый объясняют вызревание противоречий и отток капитала из экономик восставших против ядра центров в менее опасные области [16].

Перенесем фокус исследования с множественных и хорошо изученных в научной литературе этнических, националистических, сепаратистских террористических организаций на движение капитала в расширяющейся миросистеме. При расширении миросистемы капитал движется из ядра на периферию, формируя кумулятивные векторы. В результате глобальный разрыв между ядром и периферией сокращается, а социальное неравенство внутри обществ увеличивается. Оно растет как в ядре, откуда капитал уходит, так и в неядерных обществах [17, р. 141]. Рост внутринационального неравенства в неядерных обществах происходит в результате того, что общество «открывается» кумулятивному вектору миросистемы, его экономическая и политическая элиты поддерживают процесс периферизации, обогащаются и создают механизмы, закрепляющие социальное неравенство. Такие элиты неспособны противостоять ядру и утрачивают чувство гражданской солидарности с обществом. В широких массах ситуация оборачивается ростом национальных и этнических различий [17, р. 141]. Социальное неравенство при отсутствии каких-либо легальных инструментов его преодоления становится предпосылкой террористической деятельности. Наиболее уязвимыми здесь оказываются этнические меньшинства внутренних периферий (как ядра, так и неядерных стран), которые в случае отсутствия или ослабления кумулятивного вектора центральной власти способны создать террористические организации с идеологией сепаратизма. Такие процессы были характерны для большинства обществ постсоветского пространства. Ситуация в республиках Кавказа в 1990-е гг. может быть ярким примером вызревания такой предпосылки. Там, где какие-либо возможности преодоления социального неравенства имеются, накал противоречий снижается, и предпосылки не формируются. Например, в прибалтийских странах быстро сформировался кумулятивный вектор взаимосвязей с европейской частью ядра миросистемы⁴. Условий для крупных социальных кризисов не возникло. Русскоязычное население не сформировало серьезную оппозицию, поскольку выбранный вектор способствовал миграции молодежи в Европу, Российскую Федерацию и Беларусь. В прибалтийских государствах отсутствуют террористические организации.

В Беларуси вектор был направлен на укрепление отношений с Россией. Кумулятивный вектор полупериферии не способствовал резкому обогащению белорусских элит и росту со-

⁴ Только у Эстонии в 2011 г. индекс активности терроризма достигал показателя 1.22 (74 место из 163 стран). Показатель снижался, и с 2016 г. в Эстонии случаи терроризма отсутствуют. Все данные по уровню террористической активности в статье приведены на основе информации сайта Vision of Humanity. Global Terrorism Index [18].

циального неравенства [19]. И пока Россия сама активно боролась за более благоприятную нишу в мировой системе разделения труда, существенных противоречий не возникало⁵. Изменение стратегии развития России после 2014 г. привело к образованию в Беларуси сторонников двух разнонаправленных кумулятивных векторов. Однако, не смотря на рост протестных настроений, оппозиция не смогла составить конкуренцию политическому режиму А. Г. Лукашенко. В процессе мирных массовых протестов 2020–2021 гг. оппозиция была подавлена, часть ее представителей была объявлена экстремистами и покинула страну⁶.

Отсутствие единого кумулятивного вектора характерно для Украины и Молдовы, что привело к политическим кризисам, росту экстремизма, боевым столкновениям, возникновению непризнанных территорий. С 2021 г. в Молдове отсутствуют случаи терроризма⁷, а в Украине индекс активности терроризма в 2023 г. составил 1,69.

В кавказском регионе (Азербайджан, Армения, Грузия, южные регионы России) после распада СССР национальные противоречия и сепаратизм стали питательной почвой для межнациональных конфликтов и терроризма. Бывшие «братские» советские республики оказались конкурентами и противниками. При этом Армения и Грузия, в отличие от Азербайджана, ориентированного на взаимодействие с Турцией, устойчивого кумулятивного вектора не имеют. Наблюдаемые изменения политического курса, стремление к укреплению взаимоотношений то с территориально удаленным Западом, то с Россией не способствуют стабильности обстановки и национальному согласию в этих странах. Обращает внимание на себя то, что проникающие в этот регион кумулятивные векторы не способны вернуть умиротворение народам Кавказа. Индексы террористической активности у полупериферийных государств, претендующих здесь на роль кумулятивных центров, высоки: у Турции – 4,17, у России – 3,02.

Большинство государств Средней Азии испытали процессы политической турбулентности в форме массовых беспорядков (в Казахстане), попыток государственных переворотов (в Кыргызстане и Узбекистане), гражданской войны (в Таджикистане). Политическая стабильность в Туркменистане сохранялась в результате применения жестких мер искоренения всякой оппозиции и предупреждения любых зачатков террористической активности. Переход на капиталистические рельсы сопровождался ростом безработицы и социального неравенства. Однако устойчивого кумулятивного вектора у стран Средней Азии, кроме Казахстана⁸, с соседними полупериферийными государствами Китаем и Россией не сформировалось. Отсутствие мощных идеологических сетей, территориальная близость Ирана и

⁵ Большинство случаев, которые можно рассматривать как террористические, власти Беларуси квалифицируют как хулиганство, поскольку они не имели жертв и большого числа пострадавших. Исключением является теракт в минском метро в 2011 г., когда показатель был равен 4,41 (29 место из 163 стран). В последующие годы показатель снижался и в 2016–2023 гг. он равен нулю.

⁶ В Беларуси официально признаны террористическими такие организации, как «Отряды Гражданской Самообороны Беларуси», «Супраицу» и «ВУРОЛ», новостной портал «NEXTA». Их основная деятельность сосредоточена в информационном поле и связана с публикацией антиправительственных материалов, лишь в некоторых случаях с мелкими диверсиями на объектах транспортной инфраструктуры.

⁷ В Молдове самый высокий показатель индекса террористической активности был равен 1,33 в 2011 г. Затем он снижался. На территории Украины в 2011–2014 гг. показатель менялся с 2,09 до 2,65, резко возрастает до 4,46 в 2015 г. и постепенно снижается до 0,56 в 2021 г.

⁸ В Казахстане кумулятивный вектор был направлен на взаимодействие с Россией. Влияние идей радикального ислама было несущественным.

Афганистана способствовали распространению идей радикального ислама, что привело к появлению террористических организаций исламистского толка. Только с течением времени «буферные» для России государства Средней Азии все больше вовлекаются в процессы, инициируемые Китаем, что сопровождается успехом государств в противодействии радикальному исламу. В настоящее время индекс терроризма Казахстана, Туркменистана и Кыргызстана стремится к нулю, в Узбекистане он составляет 0,42, в Таджикистане – 0,87.

Следует указать еще на ряд предпосылок, возникших как наследие военного противостояния советского государства миру капитала. Гонка вооружений, вывод войск из Афганистана и Восточной Европы сформировали значительный арсенал оружия и большое количество имеющих опыт боевых действий, но невостребованных новыми «открытыми» государствами военных. Владение русским языком, знание единой системы вооружения и управления способствовали обмену опытом и вторичному распространению сепаратистских и экстремистских идей. Например, некоторые чеченские боевики приняли участие в гражданской войне в Таджикистане (1992–1997) и в первом конфликте в Абхазии (1992–1993), после Первой чеченской кампании (1994–1996) они были замечены в других конфликтах на Кавказе. Прошлый армейский опыт, особенно командный, делал привлекательными бывшие советские военные кадры для вербовщиков исламистских террористических организаций.

Эпистемологическая «ловушка» в таких случаях проявляется и в «официальной» науке, прежде всего истории, транслирующей без критического анализа приоритеты политической элиты, и в альтернативных исследованиях. Представители альтернативных направлений бывают слепы в оценках происходящего. Например, они способны клеймить правительство своей страны, превозносить ценности «свободного мира», искать в нем поддержку и не замечать, что их национальная политическая и экономическая элиты порождены связями с его ядром.

Теперь сместим фокус с террористических организаций, имеющих статус международных, на третий и четвертый этапы в цикле миросистемы, когда формируются политические силы, способные бросить вызов господствующему порядку и поддерживающим его силам. Конкурирующие с мировым гегемоном полупериферийные центры формируют самостоятельные кумулятивные векторы и способны создавать относительно «закрытые» от ядра экономики⁹. Происходит отток капитала ядра в более безопасные области миросистемы. В результате «глобальный разрыв увеличивается, а национальное неравенство для неядерных стран сокращается» [17, р. 141]. В таких условиях восставшая политическая сила способна мобилизовать массы на противостояние ядру. «Глобальная оппозиция обеспечивает национальную сплоченность» [17, р. 141]. Терроризм здесь появляется как одно из антисистемных средств вооруженного противостояния мировому порядку.

Этот антисистемный терроризм может выступать под лозунгами «футуризма», провозглашая идеи прогресса и борьбы за новую, более совершенную систему социальных отношений, или проповедовать идеи «архаизма», возврата к истинным, часто религиозным, но утраченным или кем-то погранным ценностям великого прошлого. Примерами «футуризма» могут быть всевозможные леворадикальные террористические организации, выступающие под лозунгами социализма и коммунизма. «Архаизм» может быть представлен ис-

⁹ Дж. Арриги описал формирование относительно автономных от ядра или «закрытых» систем как одну из стратегий развития полупериферий [20].

лампистскими международными террористическими организациями, включая «ИГИЛ»¹⁰. Критическое отношение к господствующему миропорядку, абсолютизация отодвинутых на неопределенный период в будущее собственных целей, высокий уровень жертвенности являются основными общими характеристиками идеологий антисистемного терроризма [21]. Беспощадный к своим врагам он на уровне государства способен инициировать массовые «чистки» внутри собственных политических границ. Адепты таких идеологий могут формировать террористические организации и в ядре, и на периферии, но, как правило, всегда поддерживают связь с центром, восставшим против глобального порядка.

Научные основания исследования терроризма на такой основе попадают в создаваемую господствующей моноидеологией эпистемологическую «ловушку», оправдывающую насилие как необходимую героическую жертву или обосновывающую воздаяние врагам во имя великого будущего, в наступлении которого запрещено сомневаться.

Одной из сил, бросивших в XX в. вызов мировому порядку, был СССР. Построив систему разделения труда относительно автономную от мировой Советский Союз был «закрытым» для иностранных инвестиций обществом с низким уровнем социального неравенства. Выступая в качестве альтернативы капиталистическому мироустройству, он смог в 1960–1970-е гг. создать мощнейший кумулятивный вектор для освободившихся от колониализма стран третьего мира. СССР совместно с союзниками поддерживал революционные движения, включая организации, которые использовали террористические методы борьбы в странах третьего мира. Леворадикальные идеологии коммунистического содержания питали террористические организации практически по всему миру, включая Европу (например, Фракция Красной армии, действовавшая в Западной Германии и Берлине с 1970 по 1998 гг.) и США (Коммунистическая организация 19 мая). При этом уровень терроризма в СССР был низким. Террористические акты в большинстве случаев не были связаны с политическими мотивами¹¹, главным мотивом советских граждан, решившихся на преступление (в основном угон самолета), выступало желание покинуть СССР, а предпосылкой – отсутствие других доступных альтернатив, позволявших легально уехать из «закрытой» страны. Пример СССР, с одной стороны, подтверждает идею о том, что мощные идеологические сети кумулятивных векторов, способны объединять и умиротворять национальное и этническое многообразие. С другой стороны, этот пример убедительно показывает, что способность государства осуществлять эффективный контроль территории, не прибегая к шоковым методам управления, является важной составляющей профилактики террористических угроз.

Заключение. На текущем этапе исследования, используя метод «движения фигура-фон» (Т. К. Хопкинс), удалось систематизировать миросистемные предпосылки терроризма, показать его место внутри более крупных теоретических конструкций, установить взаимосвязь террористической деятельности с движением капитала в миросистеме и вызревающими в ней противоречиями. Было показано, что всплеск терроризма на постсоветском пространстве в качестве миросистемных предпосылок имел превращение «братских» обществ в противоборствующие за более благоприятную позицию в миросистеме и территориальный

¹⁰ Организация «ИГИЛ» запрещена на территории Российской Федерации.

¹¹ К политическим терактам в СССР можно отнести взрыв в Мавзолее В. И. Ленина в 1967 г. и взрывы в Москве в 1973 г.

контроль государства; слабость и/или непостоянство идеологических сетей кумулятивных векторов, конкурирующих между собой центров; рост социального неравенства и национальных, этнических различий при движении капитала из ядра в экономику бывших советских обществ; формирование элит, утративших гражданскую солидарность с широкими массами; отсутствие возможностей преодоления социального неравенства; доступность оружия и избыток военных кадров, имевших опыт боевых действий. Следует подчеркнуть, что полученные теоретические выводы имеют гипотетический характер и нуждаются в дополнительной верификации. Помимо этого, предпосылки не являются достаточными факторами для возникновения террористических организаций. Следующим этапом в исследовании причин терроризма должен стать поиск оснований для систематизации «катализаторов» террористической деятельности, анализ механизмов формирования террористических организаций. Обозначенные границы познавательных позиций в исследованиях терроризма могут быть использованы для критического анализа имеющихся политических и научных текстов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: введение / пер. с англ. Н. Тюкиной. М.: Территория будущего, 2006.
2. Hopkins T. K. World-Systems Analysis: Methodological Issues // *World-Systems Analysis: Theory and Methodology*; ed. by T. K. Hopkins, I. Wallerstein. Beverly Hills: Sage, 1982. P. 145–158.
3. Коллинз Р. Макроистория: Очерки социологии большой длительности / пер. с англ. Н. С. Розова. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2015.
4. Изгарская А. А., Лукьянов Н. Е. Терроризм в современной миросистеме: к проблеме перспектив междисциплинарного исследования // *ДИСКУРС*. 2021. Т. 7, № 6. С. 5–16. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-6-5-16.
5. Crenshaw M. The Causes of Terrorism // *Comparative Politics*. 1981. Vol. 13, № 4. P. 379–399. DOI: <https://doi.org/10.2307/421717>.
6. Crenshaw M. Theories of Terrorism: Instrumental and Organizational Approaches // *J. of Strategic Studies*. 1987. Vol. 10, № 4. P. 13–31. DOI: 10.1080/01402398708437313.
7. Crenshaw M. Intimations of Mortality or Production Lines? The Puzzle of "Suicide Terrorism" // *Political Psychology*. 2009. Vol. 30, iss. 3. P. 359–364. DOI: 10.1111/j.1467-9221.2009.00699.x.
8. Crenshaw M. Terrorism Research: The Record // *International Interactions*. 2014. Vol. 40, iss. 4. P. 556–567. DOI: 10.1080/03050629.2014.902817.
9. Silke A. Terrorism and the Blind Men's Elephant // *Terrorism and Political Violence*. 1996. Vol. 8, iss. 3. P. 12–28. DOI: 10.1080/09546559608427361.
10. Silke A., Schmidt-Petersen J. The golden age? What the 100 Most Cited Articles in Terrorism Studies Tell Us // *Terrorism and Political Violence*. 2017. Vol. 29, iss. 4. P. 692–712. DOI: 10.1080/09546553.2015.1064397.
11. Schelling T. C. *Arms and Influence*. New Haven: Yale Univ. Press. 1966.
12. Schmid A. Root Causes of Terrorism: Some Conceptual Notes, a Set of Indicators, and a Model // *Democracy and Security*. 2005. Vol. 1, iss. 2. P. 127–136. DOI: 10.1080/17419160500321139.
13. Schmid A. The Response Problem as a Definition Problem // *Terrorism and Political Violence*. 1992. Vol. 4, iss. 4. P. 7–13. DOI: 10.1080/09546559208427172.
14. McQuade B., Schrader S. Avoiding the Security Trap. The Contributions of Terence Hopkins and World-Systems as Methodology for Critical Police Studies // *World-Systems Analysis at a Critical Juncture*; ed. by C. R. Payne, R. P. Korzeniewicz, B. J. Silver. NY: Routledge, 2023. P. 17–27. DOI: 10.4324/9781003325109-3.

15. Манн М. Темная сторона демократии / пер. с англ. под ред. В. Малахова, А. Дюкова, С. Карамаева. СПб.: Питер, 2023.
16. Изгарская А. А. Динамика политической гегемонии в циклах современной миросистемы // *Respublica Literaria*. 2022. Т. 3, № 3. С. 96–105. DOI: 10.47850/RL.2022.3.3.96-105.
17. Bergesen A. J., Bata M. Global and National Inequality: Are They Connected? // *J. of World-Systems Research*. 2002. Vol. 8, iss. 1. P. 130–142. DOI: 10.5195/jwsr.2002.277.
18. Global Terrorism Index // *Vision of Humanity*. URL: <https://www.visionofhumanity.org/maps/global-terrorism-index/#/> (дата обращения: 01.06.2024).
19. По уровню социального неравенства Белоруссия расположилась между Норвегией и Бельгией // *ИА Реалист*. 24.08.2020. URL: <https://realtribune.ru/news-news-4940/> (дата обращения: 02.07.2024).
20. Arrighi G. *The Developmentalist Illusion: A Reconceptualization of the Semiperiphery // Semiperipheral States in the World-Economy*; ed. by W. G. Martin, I. Wallerstein. NY: Greenwood Press, 1990. P. 11–44.
21. Лукьянов Н. Е., Изгарская А. А. Современный антисистемный терроризм и просистемные средства массовой информации в структуре социальной онтологии // *Respublica Literaria*. 2023. Т. 4, № 1. С. 103–116. DOI: 10.47850/RL.2023.4.1.103-116.

Информация об авторах.

Лукьянов Николай Евгеньевич – младший научный сотрудник Института философии и права СО РАН, ул. Николаева, д. 8, Новосибирск, 630090, Россия. Автор более 32 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальная философия, право социального обеспечения, международное частное право, противодействие терроризму, национальная безопасность.

Изгарская Анна Анатольевна – доктор философских наук (2015), ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН, ул. Николаева, д. 8, Новосибирск, 630090, Россия. Автор 100 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальная философия, политическая философия, миросистемный подход, геополитика, философия образования.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 24.07.2024; принята после рецензирования 12.09.2024; опубликована онлайн 20.11.2024.*

REFERENCES

1. Wallerstein, I. (2006), *World-System analysis: Introductions*, Transl. by Tyukina, N., Moscow, Territoriya budushchego, RUS.
2. Hopkins, T.K. (1982), "World-Systems Analysis: Methodological Issues", *World-Systems Analysis: Theory and Methodology*, Hopkins, T.K. and Wallerstein, I. (eds.), Sage, Beverly Hills, USA, pp. 145–158.
3. Collins, R. (2015), *Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run*, Transl. by Rozov, N.S., Moscow, URSS: LENAND, RUS.
4. Izgarskaya, A.A. and Lukyanov, N.E. (2021), "Terrorism in the Modern World-System: Towards the Problem of Prospects for Interdisciplinary Research", *DISCOURSE*, vol. 7, no 6, pp. 5–16. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-6-5-16.
5. Crenshaw, M. (1981), "The Causes of Terrorism", *Comparative Politics*, vol. 13, no. 4, pp. 379–399. DOI: <https://doi.org/10.2307/421717>.
6. Crenshaw, M. (1987), "Theories of Terrorism: Instrumental and Organizational Approaches", *J. of Strategic Studies*, vol. 10, no. 4, pp. 13–31. DOI: 10.1080/01402398708437313.
7. Crenshaw, M. (2009), "Intimations of Mortality or Production Lines? The Puzzle of "Suicide Terrorism"", *Political Psychology*, vol. 30, iss. 3, pp. 359–364. DOI: 10.1111/j.1467-9221.2009.00699.x.
8. Crenshaw, M. (2014), "Terrorism Research: The Record", *International Interactions*, vol. 40, iss. 4, pp. 556–567. DOI: 10.1080/03050629.2014.902817.

9. Silke, A. (1996), "Terrorism and the Blind Men's Elephant", *Terrorism and Political Violence*, vol. 8, iss. 3, pp. 12–28. DOI: 10.1080/09546559608427361.
10. Silke, A. and Schmidt-Petersen, J. (2017), "The golden age? What the 100 Most Cited Articles in Terrorism Studies Tell Us", *Terrorism and Political Violence*, vol. 29, iss. 4, pp. 692–712. DOI: 10.1080/09546553.2015.1064397.
11. Schelling, T.C. (1966), *Arms and Influence*, Yale Univ. Press, New Haven, USA.
12. Schmid, A. (2005), "Root Causes of Terrorism: Some Conceptual Notes, a Set of Indicators, and a Model", *Democracy and Security*, vol. 1, iss. 2, pp. 127–136. DOI: 10.1080/17419160500321139.
13. Schmid, A. (1992), "The Response Problem as a Definition Problem", *Terrorism and Political Violence*, vol. 4, iss. 4, pp. 7–13. DOI: 10.1080/09546559208427172.
14. McQuade, B. and Schrader, S. (2023), "Avoiding the Security Trap. The Contributions of Terence Hopkins and World-Systems as Methodology for Critical Police Studies", *World-Systems Analysis at a Critical Juncture*, Payne, C.R., Korzeniewicz, R.P. and Silver, B.J. (eds.), Routledge, NY, USA, pp. 17–27. DOI: 10.4324/9781003325109-3.
15. Mann, M. (2023), *The Dark Side of Democracy*, Transl. and ed. by Malakhova, V., Dyukova, A. and Karamaeva, S., Piter, SPb., RUS.
16. Izgarskaya, A.A. (2022), "Dynamics of Political Hegemony in the Cycles of the Modern World-System", *Respublica Literaria*, vol. 3, no 3, pp. 96–105. DOI: 10.47850/RL.2022.3.3.96-105.
17. Bergesen, A.J. and Bata, M. (2002), "Global and National Inequality: Are They Connected?", *J. of World-Systems Research*, vol. 8, iss. 1, pp. 130–142. DOI: 10.5195/jwsr.2002.277.
18. "Global Terrorism Index", *Vision of Humanity*, available at: <https://www.visionofhumanity.org/maps/global-terrorism-index/#/> (дата обращения: 01.06.2024).
19. "In terms of social inequality Belarus is located between Norway and Belgium (2020)", *IA Realist*, 24.08.2020, available at: <https://realtribune.ru/news-news-4940/> (accessed 02.07.2024).
20. Arrighi, G. (1990), "The Developmentalist Illusion: A Reconceptualization of the Semiperiphery", *Semiperipheral States in the World-Economy*, Martin, W.G. and Wallerstein, I. (eds.), Greenwood Press, NY, USA, pp. 11–44.
21. Lukyanov, N.E. and Izgarskaya, A.A. (2023), "Modern Anti-System Terrorism and Pro-System Mass Media in the Structure of Social Ontology", *Respublica Literaria*, vol. 4, no. 1, pp. 103–116. DOI: 10.47850/RL.2023.4.1.103-116.

Information about the authors.

Nikolai E. Lukyanov – Junior Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS, 8 Nikolaeva str., Novosibirsk 630090, Russia. Author of more than 32 scientific publications. Area of expertise: social philosophy, social security law, private international law, countering terrorism, national security.

Anna A. Izgarskaya – Dr. Sci. (Philosophy, 2015), Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS, 8 Nikolaeva str., Novosibirsk 630090, Russia. The author of 100 scientific publications. Area of expertise: social philosophy, political philosophy, world-system approach, geopolitics, philosophy of education.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 24.07.2024; adopted after review 12.09.2024; published online 20.11.2024.